

ПРЕДИСЛОВИЕ

ТЕОРИЯ И ВНИМАНИЕ К ДЕТАЛЯМ

Елена Владимировна Ревуненкова принадлежит к числу наиболее уважаемых исследователей в области этнографии и востоковедения. Более того, ее влияние ощущается далеко за пределами этих дисциплин. Созданные на австронезийском материале, труды Е.В. Ревуненковой относятся к той редкой и драгоценной категории работ, которые интересны всем. Ее книги и статьи по теории шаманизма, о поэтическом творчестве в традиционном обществе, о ритуале и народном театре ценят и специалисты по традиционной культуре, и литературоведы, историки, исследователи природы творчества, в том числе и современной европейской культуры. Именем Е.В. Ревуненковой организаторы украшают оргкомитеты конференций, советы международных обществ, ее считают экспертом в самых разных областях науки и в России и за рубежом. Елена Владимировна — теоретик и знаток этнографических тонкостей, блистательный текстолог и переводчик, филолог, виртуозный интерпретатор символики материальной культуры, музеевед, преподаватель и полевой работник.

Исследованием шаманизма Е.В. Ревуненкова начала заниматься задолго до того, как эта тема стало разрешенной и вошла в моду. В 1980 г. под конспиративным названием «Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры)»¹ вышла ее монография, посвященная теории и практике шаманизма. Глубокий анализ аспектов феномена шаманства, введение в отечественную науку запрещенных в советское время трудов С.М. Широкогорова, виртуозное знание и понимание шаманизма различных регионов, от австронезийского до сибирского, свободное владение всем спектром подходов в мировой науке к этому сложнейшему явлению, — все это сделало публикацию книги знаковым событием в этнографической науке.

Одно из главных качеств Елены Владимировны — внутренняя свобода. Сейчас, когда модно и выгодно говорить о том, что вся наука советского периода была «советской», то есть ущербной и ангажированной, полезно перечитать работы Е. В. Ревуненковой. Она принадлежит к числу тех исследователей, которым ничего не пришлось менять, «переосмыслить» и «открывать» с наступлением новых времен. Таких ученых было достаточно много среди востоковедов, археологов, физических антропологов, лингвистов. Они никогда не занимались конъюнктурными построениями, были наследниками российской научной традиции. Были они и членами мирового научного сообщества — так сказать, в одностороннем порядке: они знали, что делается в изучаемой ими области за рубежом, однако их работы были большинству зарубежных коллег неизвестны. Именно они составляли

---

¹ Ревуненкова Е. В. Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры). М., 1980. 274 с.

дружеский и научный круг Елены Владимировны. Назову лишь несколько имен, принадлежащих к разным поколениям: Н. И. Гаген-Торн, Т. В. Станюкович, Е. А. Серебряков, Н. А. Спешнев, Б. Б. Парникель, Б. Н. Путилов, Л. Г. Герценберг, А. К. Оглоблин, С. В. Кулланда, О. А. Артемова. Свобода дается за счет отказа от благ: карьеры, денег, зарубежных поездок. Как и другие представители этого круга, Е. В. Ревуненкова была и остается к благам равнодушна — за исключением, конечно, невозможности полевой работы в Индонезии, которую она компенсировала в советское время экспедициями в Сибирь, работой с источниками (средневековыми малайскими текстами, книгами батакских жрецов) и музейными экспонатами. Той же внутренней свободой и нелюбовью к моде обусловлен отход Е. В. Ревуненковой от тематики шаманизма в последние годы, когда эта область стала в нашей стране столь популярной — и в значительной степени конъюнктурной.

В сборнике представлены избранные статьи, опубликованные с конца 60-х годов прошлого века до последнего времени. Жизнь Елены Владимировны больше сорока лет связана с Кунсткамерой — Санкт-Петербургским Музеем / Институтом антропологии и этнографии (МАЭ РАН). Здесь она защитила кандидатскую (1970 г.) и докторскую (1994 г.) диссертации, много лет руководила отделом Австралии, Океании и Индонезии, написала три книги и более 160 статей. Отсюда ездила в экспедиции — сначала в Сибирь, а потом, когда это стало возможным — в Малайзию и Индонезию. Наследница Л. А. Мерварт, Л. Э. Каруновской и В. Г. Трисман, которые создали в стенах МАЭ отечественные австронезийские исследования и этнографическое индонезиеведение, Е. В. Ревуненкова имеет перед ними преимущество свободного владения индонезийским языком. Елене Владимировне и сейчас говорить по-индонезийски легче, чем на других восточных и даже на европейских языках, которых она знает немало: малайский, арабский, батакский, английский, голландский...

Е. В. Ревуненкова родилась 1 февраля 1939 г. в Ленинграде. Фрида Давыдовна Гуревич, мать Елены Владимировны, археолог, была видным специалистом в области древней и средневековой культуры Юго-Восточной Прибалтики и Белорусского Поманья. Около пятидесяти лет она проработала в Институте истории материальной культуры (Институте археологии). Отец, Владимир Георгиевич Ревуненков, — известный исследователь истории Франции и Германии, не одно десятилетие стоявший во главе кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Ленинградского государственного университета.

В 1956 г. Е. В. Ревуненкова поступила на отделение индонезийской филологии Восточного факультета ЛГУ. Ее учителями были профессор из Индонезии Усман Эффенди и известный языковед Георгий Иванович Прокофьев. Это было время, когда на Восточный факультет специально приглашали профессиональных филологов-носителей преподаваемых языков. По рассказам Елены Владимировны, Усман Эффенди и Г. И. Прокофьев прекрасно дополняли друг друга. Веселый, общительный Усман Эффенди был живым воплощением индонезийской культуры — обучал студентов индонезийскому языку, литературе, песням, знакомил с индонезийской музыкой, танцами и театром. В его доме на Каменноостровском

проспекте, где он жил с женой и четырьмя детьми (еще трое осталось в Индонезии) студенты бывали постоянно, участвовали в жизни индонезийской семьи и навсегда полюбили острую индонезийскую кухню. Г. И. Прокофьев преподавал теоретическую грамматику индонезийского языка, читал со студентами тексты, методично добивался точности перевода. Двое из этой группы — Елена Владимировна и Александр Константинович Оглоблин — стали в дальнейшем ведущими петербургскими индонезиеведами.

Окончив университет, Е. В. Ревуненкова продолжила обучение в аспирантуре Восточного факультета под руководством профессора Евгения Александровича Серебрякова — известного литературоведа-синолога, в то время заведующего кафедрой китайской филологии. После окончания аспирантуры в 1965 г. Е. В. Ревуненкова была принята научно-техническим сотрудником в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР. В 1970 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Седжарах Мелаю (Малайская история) — историко-культурный памятник малайского средневековья». Еще в студенческие и аспирантские годы Е. В. Ревуненкова училась у профессора Эффенди средневековому малайскому языку в арабской графике. Это позволило ей почти через 40 лет после защиты кандидатской диссертации вернуться к «Седжарах Мелаю». Список рукописи этого памятника привез в Петербург из своего первого кругосветного путешествия мореплаватель Иван Федорович Крузенштерн в 1799 г. Переданная им в Академию наук рукопись сейчас хранится в Санкт-Петербурге в архиве Института восточных рукописей. Е. В. Ревуненкова издала факсимиле рукописи и ее перевод на русский язык с комментариями², в которых в полной мере проявилась ее блестящая филологическая и текстологическая подготовка, а также опыт этнографических исследований, приобретенный за многие годы работы в МАЭ. Книга объемом почти в 700 страниц уже вошла в золотой фонд мировой науки.

Это была третья книга Елены Владимировны. Предыдущие две — «Народы Малайзии и Западной Индонезии (некоторые аспекты духовной культуры)», о которой мы уже говорили и скажем еще, и «Миф—обряд—религия (некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии)»³, где большое внимание уделяется традиционному индонезийскому театру, были очень высоко оценены не только индонезистами, но и крупнейшими сибиреведами⁴, не только этнографами и востоковедами, но и театроведами⁵. По

² Ревуненкова Е. В. Сулалат-ус-салатин: малайская рукопись Крузенштерна и ее культурно-историческое значение. СПб., 2008. 672 с.

³ Ревуненкова Е. В. Миф—обряд—религия (некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии). М., 1992. 216 с.

⁴ Иванова Е. В., Оглоблин А. К. Ревуненкова Е. В. Народы Малайзии и западной Индонезии (Некоторые аспекты духовной культуры) // Народы Азии и Африки. 1982. № 2. С. 81—85; Грачева Г. Н. Е. В. Ревуненкова. Народы Малайзии и Западной Индонезии (Некоторые аспекты духовной культуры) // Советская этнография. 1983. № 2. С. 165—168.

⁵ Соломоник И. Н. Е. В. Ревуненкова. Миф—обряд—религия // ЭО. 1994. № 1. С. 171—173.

теме «Миф—обряд—религия» Е. В. Ревуненкова защитила докторскую диссертацию.

Подготовлена к печати четвертая книга, «Очерки батакской культуры», — итог многолетних исследований предметов из батакской коллекции МАЭ и полевой работы у батаков в 1999 г.

Теоретические обобщения счастливо сочетаются у Е. В. Ревуненковой с пристальным вниманием к деталям — «теория суха, а древо жизни пышно зеленеет». Основные научные интересы Е. В. Ревуненковой связаны с изучением культуры и традиционного мировоззрения индонезийских народов, прежде всего малайцев и батаков. С самого начала работы в музее ее привлекла богатейшая коллекция предметов культуры и быта многочисленных народов Индонезии, особенно батаков, населяющих северо-западную часть острова Суматра. Е. В. Ревуненкову прежде всего заинтересовала духовная культура и религиозно-магические представления этого народа, нашедшие выражение в ритуальных атрибутах жрецов. Если знание малайского и индонезийского языков она получила в университете, то батакскому языку учиться было не у кого. Не было и словарей этого языка. Считая, что без знания языка нельзя заниматься этнографией изучаемого народа, Елена Владимировна самостоятельно по статьям и учебникам, написанным в XIX в., освоила батакский язык, прежде всего древнее письмо, на котором написаны жреческие книги, Она установила постоянные связи с миссионерским обществом Бармена (Германия), от которого получила несколько словарей разных батакских племен. Неоценимую помощь в работе над книгами батакских жрецов Е. В. Ревуненковой в течение многих лет оказывал голландский ученый П. Фоорхуве, знаток батакской культуры и литературы и единственный в мире специалист по чтению и интерпретации батакских жреческих книг. Елена Владимировна много лет переписывалась с ним и пользовалась его консультациями во время пребывания в Голландии в 1988 г. Учитывая ее многолетние исследования батакской культуры, голландский фонд Г. В. Лохера в 1999 г. финансировал ее поездку к батакам для проведения полевой работы. Так Е. В. Ревуненкова стала первым исследователем из России, посетившим каро и тоба батаков в высокогорных районах северо-западной Суматры к северу и югу от горного озера Тоба. Батакские коллекции Санкт-Петербурга малоизвестны на Западе, поскольку статьи Е. В. Ревуненковой о предметах коллекций батакской культуры и искусства напечатаны на русском языке. Тем не менее публикации Е. В. Ревуненковой не прошли незамеченными как для исследователей искусства Индонезии в целом, так и искусства батаков в частности. Известный специалист в области батакского искусства, автор нескольких прекрасно иллюстрированных книг Ахим Сибет (Achim Sibeth) (Германия) использовал работы Е. В. Ревуненковой о магических жезлах и традиционных тканях батаков⁶. В только что вышедшей богато иллюстрированной книге рано ушедшей из жизни Н. П. Чукиной, серьезного специалиста по искусству Индонезии,

⁶ Sibeth Achim. Batak. Kunst aus Sumatra. Frankfurt am Main, 2000. S. 125, 126, 185.

отмечена ведущая роль Е. В. Ревуненковой среди отечественных индонезистов, изучающих историко-культурные реалии Суматры⁷.

Проблемы этнографии малайско-индонезийского региона Е. В. Ревуненкова исследовала в сравнительно-историческом и сравнительно-типологических плане. Именно так она подходит к исследованию шаманизма в книге «Народы Малайзии и Западной Индонезии». Здесь следует дать некоторые пояснения. Шаманизму была посвящена обширная литература, в основном на материалах Сибири и Северной Евразии. Уже в 1932 г. замечательный сибиревед А. А. Попов рассматривает в своей книге 650 отечественных книг и статей по шаманизму⁸. Что же касается шаманских представлений индонезийских народов, то сведения о них ограничивались лишь одним очерком выдающегося голландского ученого-миссионера Г. А. Виллена⁹, написанным в конце XIX в.

Начиная с XVIII в. и до 30-х годов XX в. в изучении шаманства развивалось только одно направление, которое можно определить как психопатологическое. Представители этого направления связывали возникновение шаманизма с особенностями психического склада шамана: как считалось, личности больной, неуравновешенной, выпадающей из понятия нормы. Были созданы многочисленные труды по шаманизму разных районов мира. Но в то же самое время в трудах российских фольклористов и эпосоведов с середины XIX в. эпос рассматривался в неразрывной связи с его ритуальными, в первую очередь шаманскими функциями. В этих работах шаман и эпический сказитель рассматривались как творческие личности, владеющие сходным артистическим даром, полученным от духов. Эта традиция, заложенная в 60-х годах XIX в. В. В. Радловым и Г. Н. Потаниным, свободно развивалась на протяжении полувека специалистами по Сибири и Центральной Азии и была искусственно прервана в советское время в ходе государственной борьбы с шаманством. Эпическое сказительство получило статус народного искусства, свободного от «религиозных предрассудков», а шаманизм — злостного идеологически чуждого мракобесия. Эпос стали широко публиковать (приспосабливая для нужд идеологии), а шаманство — искоренять. Однако при общей тенденции отхода от первоначального направления в отечественном эпосоведении советского времени появлялись исследования, в которых оно развивалось, подчеркивалось значение ранних работ, приводилась их библиография. В славистике это направление связано в первую очередь с именем В. М. Жирмунского¹⁰, а также В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова.

⁷ Чукина Н. П. Памятники искусства Индонезии. М., 2010. С. 12, 239.

⁸ Попов А. А. Материалы для библиографии русской литературы по изучению шаманства североазиатских народов. Л., 1932.

⁹ Wilken G. A. Het schamanisme bij de volken van den Indischen Archipel // De verspreide geschriften. Semarang, 1912. D. III. Blz. 323–393.

¹⁰ См., напр.: Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса: Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958; Жирмунский В. М. Легенда о призвании певца // Исследования по истории культуры народов Востока: Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.; Л., 1960.

Этот подход, который и является ключом как к шаманству, так и к эпическому сказительству, был задушен в 30-е годы XX в. — как раз тогда, когда за рубежом начинают развиваться сходные подходы и направления в изучении шаманства. Только в конце 90-х годов XX в. отношение к шаманам и явлениям, связанным с шаманским комплексом, начинает меняться, и в этом отношении книга «Народы Малайзии и Западной Индонезии» Е. В. Ревуненковой сыграла немаловажную роль. Изучив состояние шамановедческих штудий, отечественных и зарубежных, Е. В. Ревуненкова приняла исследование различных форм шаманизма у народов малайско-индонезийского региона — аборигенов Малаккского полуострова и кубу (Суматра), батаков Суматры, даяков племени ибан, нгаджу, клемантан, ду-сунов и меланану Калимантана, малайцев Малаккского полуострова. Конкретные представления этих народов рассматриваются в книге на фоне общетеоретических взглядов на шаманизм, в тесной связи с проблемами оценки личности шамана, сущности и основных детерминант самого понятия «шаманизм». Там же даются оценки направлений и различных подходов к исследованию этого универсального явления, вскрываются соотношения между шаманизмом, религией и магией, высказывается взгляд автора на проблему центральных и периферийных районов распространения шаманизма. Материалы о шаманских представлениях народов Индонезии внесли существенные дополнения и позволили во многих отношениях по-новому осветить явление шаманизма, до недавнего времени связываемое в научной литературе только с регионами Сибири и северной Евразии.

В своей первой книге Е. В. Ревуненкова высказала свои взгляды на шамана и шаманизм, во многом резко отличающиеся от распространённых в то время в советской науке, и это было разрешено. Однако не было никаких шансов опубликовать книгу с термином «шаманизм» в заглавии, даже если речь шла о далеких Малайзии и Индонезии. Поэтому книга, целиком посвященная проблемам шаманизма, вышла под названием, мало соответствующим ее содержанию. Тем не менее она вскоре приобрела широкую известность. У Е. В. Ревуненковой установились тесные контакты с этнографами, изучающими шаманство у народов Сибири. По приглашению ученых из Томского государственного университета в 1983 г. она приняла участие в экспедиции на Алтай к теленгитам, а с конца 90-х годов до самого последнего времени ежегодно участвует в российских и международных конференциях по проблемам шаманизма, магики-религиозной практики, медицинской антропологии. Е. В. Ревуненкова побывала на конференциях и семинарах на Алтае, в Хакасии, Туве, где она была свидетелем и участником шаманских действ. По просьбе редакции СЭ (ЭО) были написаны рецензии и критические обзоры работ, в которых затрагивались проблемы шаманизма, традиционного мировоззрения, архаичных верований (некоторые из них вошли в этот сборник). Надо отметить, что жанр рецензии Е. В. Ревуненкова не просто рассматривает как информацию о той или иной книге, а использует его для критической оценки написанного другими исследователями, для выявления общих закономерностей в развитии

культуры и общественном сознании разных народов. Поэтому, будучи малаистом и индонезистом, Е. В. Ревуненкова неоднократно выступала оппонентом на защите кандидатских и докторских диссертаций, посвященных общим проблемам шаманизма и шаманизму отдельных сибирских народов: нанайцев, тувинцев, шорцев и др. Занимаясь изучением различных форм шаманизма в Малайзии и Индонезии, Е. В. Ревуненкова познакомила читателей со взглядами выдающихся исследователей шаманских представлений, давно и хорошо известными в зарубежной науке. Среди них следует назвать прежде всего Мирча Элиаде и особенно Сергея Михайловича Широкогорова. В своей книге Е. В. Ревуненкова впервые в отечественной этнографии дала оценку его новаторским взглядам на шаманизм, психологическую сферу *per se*, на транс, экстаз и многие другие явления, связанные с шаманизмом. Поскольку после 1917 г. С. М. Широкогорова находился в эмиграции в Китае, его имя фактически было под запретом. Лишь в 1999 г. на конгрессе «Шаманизм и иные традиционные верования и практики», посвященным памяти С. М. Широкогорова, Н. П. Дыренковой, А. В. Анохина, Е. В. Ревуненкова сделала доклад о С. М. Широкогоре как исследователе шаманизма. Позже она написала пространную статью о С. М. Широкогоре, в которой портрет ученого был дополнен биографическими сведениями, предоставленными А. М. Решетовым.

К книге «Народы Малайзии и Западной Индонезии» примыкает вышедшая в 1992 г. монография «Миф—обряд—религия (Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии)» (М., 1992). Она продолжает и развивает мысли, высказанные в предыдущей работе, но рассматривает шаманизм под несколько иным углом зрения, акцентируя внимание на творческой природе шамана и его роли в развитии словесного и театрально-образительного искусства. В книге большое внимание уделено роли риса у народов малайско-индонезийского региона, который является не просто основой питания, а символом самой жизни, посредником между миром людей и богов, и, наконец, самим божеством, источником поэтического, мифологического творчества и театральных действий. Функции театра в жизни архаичных обществ, соотношение театра и ритуала, мифа и обряда, религиозный контекст этих связей, влияние ритуала и древних театральных форм на современную театральную эстетику — таковы темы этой книги. Сопоставительный материал из Японии, стран Юго-Восточной Азии, Европы и Сибири придает исследованию сравнительно-типологический характер.

Важное место в деятельности Е. В. Ревуненковой в конце 80-х — начале 90-х годов XX в. занимала работа над изданием полного Собрания сочинений Н. Н. Миклухо-Маклая. Она подготовила к изданию подлинники тексты исследователя по двум его путешествиям по Малаккскому полуострову 1874—1875 гг. и написала к ним подробные комментарии. Большая часть этих материалов издавались и ранее, но без участия малаистов. Поэтому не были в полной мере оценены заслуги ученого в открытии неизвестных до него племен аборигенов Малаккского полуострова и его вклад в изучение лингвистического ландшафта полуострова. Комментарии и статьи Е. В. Ре-

вуненковой о Н. Н. Миклухо-Маклае как исследователе аборигенов Малаккского полуострова открывают новую страницу в наследии ученого, прославившегося своими путешествиями и исследованиями папуасов Новой Гвинеи. В 1996 г. под руководством Е. В. Ревуненковой в МАЭ была организована выставка, посвященная 150-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая, на которой были представлены предметы из большой коллекции, привезенной им из путешествий по странам Южных морей.

Е. В. Ревуненкова официально заведовала отделом Австралии, Океании и Индонезии не так долго: с 2002 по 2007 г., однако по крайней мере с 1970-х годов именно она определяла тон, принятый в отделе, и определяет его до сих пор. Этот тон можно определить как неформальность, полное отсутствие авторитарности, легкость, доброжелательность — в сочетании с глубочайшей серьезностью по отношению к качеству научной работы. До 2002 г. сектором руководил Н. А. Бутинов — труженик, знаток, человек честный, но довольно прямолинейный и очень советский¹¹. Вне всякого сомнения, атмосферой благожелательного плюрализма, позволявшей писать и даже защищать диссертации, с основными идеями которых Н. А. Бутинов не был согласен, мы были обязаны именно Елене Владимировне. С 1978 г., когда я поступила в аспирантуру, одним из главных магнитов, притягивающих в институт-музей, были чаепития. За старинным ломберным столиком, служившим нам обеденным, собирались ее друзья, поклонники и молодежь из МАЭ, университета, гости из других городов и других стран. Елена Владимировна кормила всех вкуснейшей индонезийской едой. Говорили о науке, театре, литературе, если позволял состав участников, то и о самиздате — от Набокова до Солженицына. Здесь всегда было «водяное перемирие» — тигр и лань получали чай из рук Елены Владимировны и вели себя прилично. Но Елена Владимировна — не Сахар Медович и даже не дипломат. Человек страстный, а иногда и непримиримый, она не прощает человеческой и научной нечистоплотности. Человек, совершивший непоправимый поступок, утрачивает ее расположение навсегда.

Это издание приурочено к 70-летию Е. В. Ревуненковой, которой она категорически отказалась праздновать. В прошлую юбилейную дату, в 2004 г., удался заговор: мы замаскировали празднование юбилея Елены Владимировны и ее однокурсника и друга Александра Константиновича

---

¹¹ Кардинальное разделение на советских и несветских, существовавшее в среде интеллигенции с 1917 г. до перестройки, сейчас забывается. Между тем оно было необыкновенно важно и в науке, и в жизни. Настоящая дружба редко соединяла представителей этих разных «биологических видов». «Смешанные браки» заключались редко и, как правило, распадались. «Советскими» называли тех, людей, которые внутренне не противопоставляли себя советской власти. Для нас слово «советский» в применении к человеку имело диапазон значений от снисходительного до ругательного: от «наивный, серый, недалекий» до «приспособленец, карьерист, беспринципный негодяй».

Оглоблина¹² под обычные Маклаевские чтения (ежегодную конференцию нашего отдела). В результате был издан сборник «Индонезийцы и их соседи. Festschrift E. V. Ревуненковой и А. К. Оглоблину»¹³. Как и все, связанное с деятельностью юбиляров, этот сборник вызвал большой интерес. Появились рецензии в журналах Москвы¹⁴ и Петербурга¹⁵; с просьбой прислать экземпляр сборника обращаются коллеги из Малайзии, Индонезии, с Филиппин, из Великобритании и Нидерландов. Работы Е. В. Ревуненковой включены в списки рекомендуемой литературы многих российских университетов¹⁶.

Е. В. Ревуненкова постоянно выступает оппонентом как в Санкт-Петербурге, так и в других городах на защитах российских и индонезийских исследователей по всем аспектам австронезистики и традиционному мировоззрению народов Сибири и Дальнего Востока. Она постоянно окружена индонезийскими коллегами и студентами, участвует в культурных событиях австронезийского сообщества, сотрудничает с консульством и посольством Индонезии в России и с мировым сообществом австронезистов.

Нет нужды приводить многочисленные свидетельства международного признания работ Е. В. Ревуненковой. Ограничимся лишь несколькими ссылками. В книге Б. Б. Парникеля¹⁷, изданной по-малайски в Малайзии, работам Е. В. Ревуненковой по малайской литературе посвящен целый раздел. В малайском религиозноведческом сборнике под редакцией Андара Исмаэля работы Е. В. Ревуненковой также занимают почетное место¹⁸. В сборнике по шаманизму под редакцией Говарда Кейта, профессора SOAS (Лондон), и бессменного редактора международного журнала «Shaman» Михала Хоппала¹⁹, которого Елена Владимировна называет «рыцарем шаманизма», она

---

¹² Иванова Е. В. Маклаевские чтения в честь 40-летия научной деятельности Е. В. Ревуненковой и А. К. Оглоблина // Антропологический форум. № 1. 2004. С. 367–371.

¹³ Индонезийцы и их соседи. Festschrift E. V. Ревуненковой и А. К. Оглоблину / Отв. ред. и сост. М. В. Станюкович. СПб., 2008. 431 с. (Маклаевский сборник. Вып. 1).

¹⁴ Горяева Л. В. Индонезийцы и их соседи. Рецензия на: Индонезийцы и их соседи. Festschrift E. V. Ревуненковой и А. К. Оглоблину // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. № 2. М., 2010. С. 197–200.

¹⁵ Тюнь Г. Т. Рецензия на: Индонезийцы и их соседи. Festschrift E. V. Ревуненковой и А. К. Оглоблину // Восток. № 1. СПбГУ (в печати).

¹⁶ См., напр.: Этнология на историческом факультете (программы курсов) / Под ред. доц. О. Е. Казьминой, проф. В. В. Пименова, доц. Т. Д. Соловей / МГУ им. М. В. Ломоносова, исторический факультет. М., 2008.

¹⁷ Parnikel B. V. Penelitian sastera Nusantara di Rusia. Dewan Bahasa dan Pustaka, Kementerian Pendidikan. Malaysia, 1995. 81 p. Research on Indonesian and Malay literature by Russian authors.

¹⁸ Mulai Dari Musa Dan Segala Nabi // Andar Ismail. Andar Ismael (ed.) Mulai dari Musa dan segala nabi. Beginning with Moses and all the prophets. Buku Perayaan / Festschrift Dr. Arie de Kuiper, Jakarta: BPK Gunung Mulia, 1996. P. 203–205.

¹⁹ Howard Keith and Hoppál Mihály (eds.). Shamans and Cultures: The Regional Aspects of Shamanism. ISTOR books, 5. Budapest: Akadémiai Kiadó; Los Angeles: International Society for Trans-Oceanic Research, 1993.

охарактеризована как один из немногих российских ученых, свободно владеющих всем материалом по теории и практике шаманства и внесшим весомый вклад в международные исследования этой области.

Е. В. Ревуненкова — член многих профессиональных российских и международных обществ (Нусантара, EUROSEAS, Folklore Fellows и др.), лауреат премии индонезийско-российской компании Primo Comexindo Rus (1995 г.), одна из главных героев фильма об исследовании Индонезии в России, снятого индонезийской журналисткой Хенни Саптата.

Любую работу я начинаю просматривать с библиографии. Достаточно прочитать список литературы в этом сборнике, чтобы увидеть диапазон интересов Е. В. Ревуненковой, ее круг чтения. Блок, Станиславский и Шаляпин для нее — важные свидетели защиты на шаманском процессе и источники понимания индонезийского ритуала и театра. Работы на русском, индонезийском и европейских языках представлены практически в равных долях. Европейские языки разнообразны. Как нас учила Е. В. Ревуненкова, если по исследуемой теме есть важная работа, ее необходимо прочитать вне зависимости от того, знаешь ли этот язык — в пределах европейских языков это вполне достижимо.

Многие включенные в этот сборник работы написаны очень давно. Взгляды автора в ряде случаев претерпели изменения; появилась новая литература по многим обсуждаемым проблемам. Однако статьи оставлены в том виде, в каком они были напечатаны впервые. Исправления касаются только опечаток или ошибок в библиографических данных, допущенных в прежних публикациях.

Работы Е. В. Ревуненковой по малайско-индонезийской этнографии насыщены оригинальными данными, материал в них часто трактуется в сравнительно-исторических и сравнительно-типологических рамках. Поэтому работы интересны как специалистам, изучающим этот регион, так и теоретикам. Издание данного сборника будет вкладом и в изучение этнокультурного и исторического развития народов Малайзии и Индонезии, и в разработку важных проблем этнографии, филологии и культуры в широком смысле слова.

Хочу поблагодарить Б. Б. Асанову за первичную подготовку материалов для сборника, А. К. Касаткину за составление сводной библиографии и профессиональную правку, Е. Б. Толмачеву за подготовку иллюстраций. На протяжении всей работы со сборником безотказную помощь оказывали работники библиотеки во главе с Т. И. Шаскольской. Особая благодарность — издательскому редактору этого сборника М. В. Банкович.

М. В. Станюкович